

Андрей МЕЛЕХОВ

БОЛЬШАЯ ВОЙНА СТАЛИНА

Харьков
«ФОЛИО»
2018

Часть 1

«ВНЕЗАПНО»?..

Слово герою-десантнику

Беру в руки книгу воспоминаний *А. И. Родимцева*. К новому месту службы (5-я бригада 3-го воздушно-десантного корпуса Одесского военного округа) Герой Советского Союза и ветеран гражданской войны в Испании Родимцев прибыл 17 мая 1941 года. Отметим уровень боеготовности вверенной ему части: «вооружением, необходимой материальной частью и парашютами бригада была полностью обеспечена» («Твои, Отечество, сыны», с. 20). 18 июня 1941 года бригады корпуса проводили учения по выброске в Крыму, в «районе города Джанкой» (там же, с. 23).

Позволю себе на минуту отвлечься и подчеркнуть, что воздушно-десантные войска (ВДВ) являлись тогда и остаются сегодня сугубо наступательным родом войск. Статья о ВДВ в Советской военной энциклопедии начинается словами: «Воздушно-десантные войска (ВДВ), род войск, предназначенный для боевых действий в тылу противника... Основные боевые свойства ВДВ: способность быстро достигать удаленных районов ТВД, наносить внезапные удары по противнику, успешно вести общевойсковой бой. ВДВ могут быстро захватывать и удерживать важнейшие районы в глубоком тылу противника, нарушать его государственное и военное управление, овладевать островами, участками морского побережья, военно-морскими и авиационными базами, содействовать наступающим войскам в форсировании с ходу крупных водных преград и быстром преодолении горных районов, уничтожать важные объекты противника» (т. 2, с. 287). Как видим, обороне посвящена лишь одна фраза: «захватывать и удерживать».

В обороне ВДВ использовали лишь в исключительных случаях, для «затыкания дыр» — когда в момент кризиса в районе вражеского прорыва не имелось обычных стрелковых частей, а также для проведения диверсий и отвлекающих действий (фактиче-

ВДВ и морская пехота — самые агрессивные рода войск современных армий: отступить им часто просто некуда.

ски без шанса выжить) на коммуникациях наступающего противника. Во время Великой Отечественной войны — в 1942 году под Вязьмой и при форсировании Днепра в 1943-м — советских десантников использовали «по назначению» именно в ходе крупномасштабных наступлений. Красная Армия успешно применяла десанты и в рамках классической «глубокой операции» в 1945 году — при разгроме японской Квантунской армии. Немцы, американцы и англичане, также создавшие мощные воздушно-десантные силы, делали то же самое в ходе Второй Мировой и Корейской войн. Армии основных воюющих государств применяли крупные соединения парашютистов для достижения успеха как при проведении фактически самостоятельных наступательных операций (Крит), так и в рамках стратегических ударов с использованием флота и всех родов войск (высадка на Сицилии и в Нормандии). «Экзотика» в применении десантников — вроде участия в борьбе с партизанами (Конго, Вьетнам, Афганистан), штурме городов (Чечня) и патрулировании «неспокойных» населенных пунктов (Ольстер, Ирак) — началась несколько позже.

Важно отметить и то, что в 30-х годах прошлого века СССР справедливо считался во всем мире родоначальником «крылатой пехоты» и неоднократно удивлял иностранных наблюдателей массовой выброской великолепно подготовленных парашютистов как на различных учениях (например, под Киевом в 1935 и в Белоруссии в 1936 годах), так и в ходе боевых наступательных операций (Халхин-Гол). Согласно приложению № 8 книги **Р. Иринархова** «Красная Армия в 1941 году», накануне войны в РККА были сформированы пять воздушно-десантных корпусов численностью 10 400 человек (преимущественно тщательно отобранных добровольцев) в каждом. Интересно, что два из них — 2-й под командованием генерал-майора Ф. М. Харитонов и 3-й под началом генерал-майора В. А. Глазунова

Герой Советского Союза
полковник А. И. Родимцев (источник
<http://waralbum.ru/237970/>)

ва (в будущем — первый командующий советских ВДВ) — находились в распоряжении Одесского военного округа. 5-я бригада Родимцева и 212-я бригада полковника Затевахи́на (отличившаяся на Халхин-Голе) как раз и входили в отборный 3-й десантный корпус Глазунова. По одному корпусу ВДВ базировались в Прибалтике, Белоруссии и в Киевском Особом военном округе. Почему столь высокая концентрация полностью укомплектованных бригад десантников (20 800 отборных

бойцов) имела место именно на южном фланге СССР? Где и как советские воздушно-десантные корпуса планировали «отражать агрессию» с помощью массовой высадки парашютистов в глубоком тылу врага, которую активно отработывали накануне войны? Об этом мы поговорим в следующей книге цикла, посвященной планам советского руководства. Пока же вернемся к вопросу о «внезапности» вскоре начавшейся войны.

Вот что говорит Родимцеву накануне войны начштаба 5-й воздушно-десантной бригады майор Борисов: «Тревога чувствуется даже в воздухе...». О том же толкуют друг с другом и собравшиеся в управлении Одесского военного округа «офицеры в полевой форме и с чемоданами в руках»: «Подняли по тревоге... Часть уже куда-то уехала... Товарищи поговаривают: может быть, война?» («Твои, Отечество, сыны», с. 24). И куда, интересно, уехала их часть? Не к румынской ли границе?.. А вот что отвечает Родимцеву на его вопрос о «скорой войне» генерал-полковник Я. Т. Черевиченко — командующий Одесским военным округом: «Для вас, конечно, не секрет, что фашисты продолжительное время сосредотачивают войска у нашей западной границы...». В общем, резюмирует герой войны в Испании, «явных признаков резкого изменения обстановки не было, но предчувствие чего-то недоброго упорно нарастало... С чувством внутренней напряженности и тревоги я возвратился в часть» (там же).

Заметим, что после начала войны 3-му воздушно-десантному корпусу так и не нашлось «воздушно-десантной» задачи. Почему? Потому что в обороне парашютисты превращаются в обычную — к тому же легковооруженную — пехоту. В этом качестве корпус и использовали, начиная с середины июля, а на каком-то этапе его просто превратили в стрелковую дивизию. Следует подчеркнуть, что дивизия эта воевала хорошо (в частности, отличилась во время обороны Киева) и скоро стала гвардейской. То же самое справедливо и в отношении других бывших десантных соединений РККА: сказывались тщательный отбор и прекрасная подготовка личного состава. Уже тогда ВДВ являлись армейской элитой. Недаром все без исключения воздушно-десантные соединения СССР в ходе войны стали гвардейскими.

Слово боевым генералам

Там же — в Одесском военном округе — накануне войны оказался и **Н. И. Крылов**, переведенный с Северного Кавказа в штаб Дунайского укрепленного района: «... перед войной у границы было не особенно спокойно. В июне обстановка на румынском берегу (а там — это не было секретом — нахо-

дились и немецкие войска) стала настораживать...» («Не померкнет никогда», с. 14). «Пусть и не таким виделось начало будущей войны (*прим. автора: интересно, а каким же оно виделось Н. И. Крылову?..*), пусть не ждали мы ее сейчас (*а когда?..*). Но все равно ведь знали — смертельной схватки с черными силами фашизма не избежать» (там же, с. 18). Хотя войны вроде и не ждали «сейчас», но, пишет Н. И. Крылов, «надо отдать должное и командованию Одесского военного округа. Перед самым нападением врага оно успело... перевести на запасные аэродромы авиацию, избежавшую благодаря этому больших потерь... А управление войсками округа было к этому времени перенесено на заранее (!) оборудованный полевой КП» (там же, с. 15). Чуть позже тогдашний замнаркома обороны Мерецков подскажет нам, что в результате проведенных непосредственно накануне войны «учений» в укрепрайонах на границе с Румынией оказались практически все войска Одесского военного округа. Интересно отметить, что Н. И. Крылов — который в одном из этих укрепрайонов как раз и служил — ни словом не упомянул об этом факте. Не вызвало у него вопросов и то, что «полевой КП» являлся командным пунктом уже не округа, а созданной на его базе ударной 9-й армии...

А вот что говорит **П. И. Батов**, буквально перед самой войной поставленный командовать 9-м стрелковым корпусом, находившимся в Крыму. В Крым он попал с Северного Кавказа (через Москву, где его проинструктировал сам нарком обороны Тимошенко) «неожиданно, перед самым началом войны... 20-го июня»: «Мы располагали убедительными данными о том, что крупные ударные группировки немецко-фашистских войск сосредотачиваются у западных границ нашей страны. Как говорится, уже пахло грозой...» («В походах и боях», с. 7). Почему-то Батов нигде не упоминает о том, чем занимался вверенный ему 9-й корпус в самый канун войны. Позволю себе подсказать читателям: корпус Батова участвовал в крупномасштабных учениях по высадке десантов на чужих берегах. Поэтому, когда Батов утверждает, что во время московской встречи нарком Тимошенко «ни словом не обмолвился о том, каковы должны быть взаимоотношения с Черноморским флотом, что делать в первую очередь, если придется срочно приводить Крым в готовность как театр военных действий», он говорит правду. Вернее, ровно половинку правды: он вообще не говорит о второй половинке. Дело в том, что к **обороне** Крыма действительно никто и не думал готовиться. Все планы моряков, летчиков, пехотинцев и даже бойцов укрепрайонов Одесского военного округа (а также прочих приграничных округов) касались исключительно скорого начала **наступательных действий на чужой территории**. А все взаимодействие с моряками сводилось к усердной отработке, как вполне откровенно выразился тогдашний нарком ВМФ — адмирал **Н. Г. Кузнецов**, «более активных

задач» — ведь «...предполагалось, что мы будем не только обороняться, но и наступать» («Курсом к победе», с. 334).

Бывший флотский замполит **И. И. Азаров** говорит об этих весьма интересных маневрах с участием корпуса Батова гораздо более откровенно. Прочитав первые строчки его мемуаров: «На Черноморском флоте предстояло большое учение. Корабли должны были высадить в расположении «противника» крупный десант — целую стрелковую дивизию. Обычно флотские учения проводились осенью и по существу подытоживали боевую учебу. Черноморцы в шутку называли их «мандариновыми походами», потому что курс эскадры был неизменным — из Севастополя к кавказским берегам, где в это время накапливались горы фруктов. В 1941 году привычный порядок был изменен. Учения начинались в первой половине июня. Откладывать их обстановка не позволяла (?)... Направляя на флотские учения группу политических работников, начальник Главного управления политической пропаганды Военно-Морского Флота армейский комиссар 2 ранга И. В. Рогов пояснил: «Обстановка не дает нам никаких отсрочек (*прим. автора: что же за срочность такая была?! Торопились немцев с румынами спровоцировать?..*). Подозрительно ведет себя фашистская Германия, хотя у нас с ней договор о ненападении. Для вашего сведения: германские войска сосредотачиваются у наших границ, немецкие самолеты все чаще вторгаются в наше воздушное пространство. Надо, чтобы моряки были готовы ко всему» («Осажденная Одесса», с. 3—4). Из этого краткого пассажа становится понятно, что руководство флота (и уж тем более руководство Вооруженных Сил и политическое руководство СССР) прекрасно знало о сосредоточении германских войск на советской границе. Поскольку «откладывать обстановка не позволяла», то и «привычный порядок был изменен», а «моряки были готовы ко всему». Вопросы появляются, когда туго соображающий читатель (вроде меня) пытается понять, а к чему именно готовились советские моряки?.. Да еще и под присмотром вышедшего с ними в море руководителя учений — замнаркома Военно-Морского Флота адмирала И. С. Исакова (см. там же, с. 11)? Скажем, почему атаки несуществующего германского черноморского флота огромный советский Черноморский флот собирался отражать высадкой целых стрелковых дивизий на чужих берегах? Ладно, предположим, что таким образом собирались претворять в жизнь известный постулат о том, что «нападение — это самая лучшая оборона». В конце концов, именно с помощью мастерски проведенной десантной операции американцы в начале 50-х сумели коренным образом переломить ход корейской войны... Но вот незадача: как только немцы напали, о советском морском десанте на чужие берега намертво забыли. Равно, впрочем, как и о воздушных десантах: помните мемуары Родимцева?.. Не найти ни слова в советской

исторической литературе и о планах, которые отрабатывались во время этих загадочных предвоенных учений. Армейский комиссар Рогов назвал действия немцев «подозрительными». Позвольте, а как тогда могли назвать действия советских войск и флота испуганные румыны и встревоженные немцы?.. Они-то десятки тысяч человек по морю не возили... Да и самих немцев в Румынии было кот наплакал. Так или иначе, то, что Батов ни словом не упоминает о длительных морских прогулках своих подчиненных в самый канун войны, само по себе наводит на определенные мысли...

Что же происходило в других военных округах? **И. И. Людников** сообщает: «весной сорок первого года, за шесть месяцев до своей трагической гибели, Кирпонос (*прим. автора: будущий командующий Юго-Западным фронтом, а тогда — недавно назначенный командующим Киевским Особым военным округом*) вызвал меня из Житомира (*прим. автора: там Людников командовал военным училищем*) в Киев для назначения на должность командира дивизии. В мобилизационном (!) отделе штаба округа мне сказали: — Ваша дивизия вон в том углу, забирайте... Поднимаю с пола опечатанный мешок с надписью «200 сд. Почтовый ящик 1508». Содержимого в мешке немного. Кто-то даже пошутил: “Не шапка Мономаха...” ... Срок формирования дивизии был жестким. Вместе с командным составом прибывало пополнение бойцов из переменного состава. Обычно их призывали на переподготовку после уборки урожая. Мы и этот факт расценили как признак приближающейся грозы» («Дорога длиною в жизнь», с. 5). Отметим, что дело происходило примерно **в середине марта 1941 года** и что вновь сформированная 200-я стрелковая дивизия Людникова (31-го стрелкового корпуса) относилась ко «второй линии» — иначе говоря, находилась во втором эшелоне войск округа. И что номер «200» взяли не с потолка: процесс развития Красной Армии еще ранней весной 1941 года достиг такого масштаба, что число стрелковых и горнострелковых дивизий перевалило за две сотни — и это без учета мотострелковых (моторизованных) дивизий! Сей бурный рост требовал опытных командиров, которых, естественно, не хватало. Нехватку восполняли ускоренным продвижением по службе вчерашних комбатов, возвращением репрессированных комбригов и комдивов, а также использованием кадров, осевших в многочисленных военных училищах. Интересно отметить, что во время немецкой оккупации здание житомирского училища Людникова использовал в качестве своего временного штаба начальник СС Генрих Гиммлер. Но вернемся к 200-й сд...

16 июня 1941 года этой **тыловой** дивизии директивой штаба округа предписали в полном составе, но без мобилизационных запасов **18 июня в двадцать часов** (*прим. автора: иными словами, скрытно, ночными мар-*

шами) выступить в поход и **к утру 28 июня** сосредоточиться в десяти километрах северо-восточнее Ковеля — то есть, в непосредственной близости от советско-германской границы (там же, с. 6). Надо сказать, что 31-й стрелковый корпус, в состав которого была включена дивизия Людникова, еще до начала войны был переброшен с Дальнего Востока на Украину, где перешел в подчинение располагавшейся у самой границы 5-й армии под командованием генерал-майора танковых войск М. И. Потапова — еще одного героя Халхин-Гола. Отметим, что полученный дивизией приказ **не был связан с угрозой немецкого вторжения**. Иначе она выступила бы в поход немедленно — **16 июня**, и война не застигла бы ее на марше — во время четвертого ночного перехода (днем пехотинцы отдыхали, чтобы соблюсти скрытность выдвигения к границе). «Целую жену и детишек, — вспоминает Людников, — я почти не сомневался, что ухожу на войну...». Не сомневались и сами домочадцы: «проводать дивизию вышло все население городка. Самые горячие заверения, что идем на учение, не могли утешить наших матерей и жен. Предчувствие близкой войны их не обмануло» (там же, с. 6). Удивительное дело: предчувствие не обмануло тысячи жителей украинского городка и членов семей офицеров, а вот у товарища Сталина, который и направил дивизию Людникова к границе, его, получается, и не было?..

Приведу еще одно наблюдение Людникова, касающееся первых боев дивизии: «Перед войной 200-я дивизия пополнилась призывниками из недавно освобожденной Ровенской области, где вражеские лазутчики распространяли панические слухи, пугая малодушных непобедимостью немецкого оружия. Полк Алесенкова показал всем частям дивизии, да и ее соседям, что не так страшен черт, как его малюют, что врага можно остановить, гнать и уничтожать» (там же, с. 8). Как видим, у командира 200-й дивизии и его «соседей» до первых боев имелись серьезные сомнения в надежности бойцов, являвшихся уроженцами Западной Украины. Позже мы увидим, что подобные сомнения в боеспособности собственных подчиненных мучили не только его и не только в отношении украинских новобранцев...

А. В. Горбатова за несколько месяцев до начала войны — вместе со многими другими репрессированными командирами — вдруг выпустили из концентрационного лагеря. Если верить бывшему генерал-лейтенанту НКВД **П. А. Судоплатову** — автору книги «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы», «...в общей сложности в строй вернулись около половины пострадавших от террора» (с. 181). Едва не умершему от голода Горбатову дают путевку в санаторий — подлечиться и набрать вес — и в апреле 1941 года назначают на должность заместителя командира 25-го стрелкового корпуса 19-й армии, тайно перебрасываемой на Западную

Украину с Северного Кавказа. Вот что, провожая его, говорит нарком обороны Тимошенко: «Видимо, мы находимся в предвоенном периоде...» («Годы войны», с. 257). Вновь отметим уровень укомплектованности соединения: «я ознакомился с дивизиями. Они были полностью укомплектованы...». Как и все мемуаристы, Горбатов отмечает, что «ее (войну) ждали все, и не так уж много было среди военных людей, у которых теплилась еще надежда на то, что войны можно избежать. Однако, когда было объявлено о внезапном нападении.., это сообщение всех поразило...». Надо же: «все ждали», но «всех поразило»!

Комбриг А. В. Горбатов
в середине 1930-х годов

Как и у Людникова, у Горбатова еще до войны имелись нехорошие предчувствия в отношении слаженности и дисциплины его подчиненных. Правда, командира 200-й дивизии ждал приятный сюрприз: «западенцы» Людникова не только не удрали, но еще и разбили немцев. Горбатову повезло меньше: в первый же день боев (в середине июля) ему пришлось гоняться по полям за разбегающимися и бросающими оружие красноармейцами (которые тоже были призваны из запаса *накануне* войны) и ругать матом их растерявшихся командиров.

К. В. Крайников, который перед войной служил во Львове заместителем командира 2-го кавалерийского корпуса по политической части, сообщает в отношении «внезапности» войны нечто похожее. **Весной 1941 года** в округ из Москвы прибыл «с ответственными поручениями» его приятель, будущий выдающийся танкист П. С. Рыбалко (служивший в то грозное время в Разведупре — нынешнем ГРУ). Тот сумрачно сообщил: «На переднем крае, можно сказать, находишься, на боевом направлении... Не исключено, что фашистская Германия может напасть на нас...» («Оружие особого рода», с. 5). Правда, в бой кавалеристу Крайникову пришлось вступить гораздо южнее — на советско-румынской границе, «куда в самый канун войны перебросили наш 2-й... корпус». Заметим по ходу, что там же — на границе с Румынией — помимо двух воздушно-десантных корпусов и кавалерийского соединения, находились и два механизированных корпуса Красной Армии — 2-й и 18-й, вместе насчитывавшие около 1000 танков.

Вторит своим боевым товарищам и **В. М. Шатилов**, который перед войной занимал должность начальника штаба 196-й стрелковой (тоже вновь сформированной) дивизии: «Теперь, когда от войны нас отделяют многие годы... особенно явственно видишь: партия и правительство были